

остались не проясненными. В нем было что-то загадочное, потаенно-личностное. Он был очень настойчив и даже упрям. Ярким моим воспоминанием была его прогулка босиком по разбитой весенней распутицей дороге в Судозеро и обратно – больше десяти километров.

В своих рассказах Сурхаско затрагивал и глубоко личные темы. Его отец перебрался с Карельского перешейка в Россию, по всей видимости, в пору революционных потрясений. У Йоуко были основания переехать в Финляндию, став «репатриантом», но он никогда даже не говорил о такой возможности при наших дальнейших встречах. Он бывал в Финляндии и в меру этого знал ее, но до конца остался верен Петрозаводску и своей научной работе. Йоуко Сурхаско приглашал меня познакомиться с его большим домашним фотоархивом. К сожалению, я так и не успел нанести этот визит.

К. К. Логинов

МАТЕРИАЛЫ ПО ТРАДИЦИОННЫМ ОБРЯДАМ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ НАСЕЛЕНИЯ КАРЕЛИИ, СВЯЗАННЫМ С БАНЕЙ¹

На месте, выбранном для строительства бани, в старину обязательно спрашивали разрешения на постройку у духа-хозяина земли. Если баня ставилась в озере на столбах, то на восходе солнца хозяин в пояс кланялся на все четыре стороны и, обратясь к воде, просил: «Водяной батюшка и земли хозяин, позвольте на месте сем мне, рабу божьему (имярек), баньку построить» (НА². Ф. 1. Оп. 6. Д. 624. Л. 23, 25. Сямозеро. 2001). Далее могла следовать специальная просьба к водяному, чтобы он не посылал льдины на берег, которыми весной могло бы разрушить строение. В этом случае в воду могли бросить нечетное число медных монет. У северных карел и русских Заонежья был известен обычай заделывать в порог новой бани немного ртути. Для этого в пороге высверливалось углубление, в него опускалась ртуть, а чтобы она не испарялась, в отверстие сверху забивался сучок. Наличие ртути в пороге, по народным поверьям, не позволяло нечистым духам поселиться в бане.

Баня в хозяйственных обрядах

Баня в Карелии использовалась не только в качестве помещения для мытья, но и для других целей, в частности хозяйственных. Примерно до

широты северной оконечности озера Выгозеро, южнее которой можно было выращивать лен, баню всегда использовали для вычесывания и мытья льноволокна. При вычесывании льна образовывалось так много пыли и отходов, что лучшего помещения для этих целей и не придумать. В Пудожском уезде, славившемся в XIX в. производством лучшего в России льна, бани имелись практически в каждом хозяйстве. У русских Заонежья первый день начала сезона вычесывания льна приходился на Егория осеннего (16.11. по новому стилю). Девушки в этот день собирались в бани по деревьям на свой особый праздник. На каменке бани они варили ячменную кашу, крупу и масло для которой собирали в складчину. К работе приступали, только по завершении трапезы. Парней к ней не допускали. Парни всячески стремились попасть в баню к девушкам, но не тут-то было. Не допустить парней в баню было ритуальной задачей девушек. На уровне ритуала это означало сохранить чистоту своей девичьей компании («чтобы лен получился чистый»).

По всей Карелии домашние хозяйства использовали бани для регулярной сушки и копчения в дыму рыбацких снарядов. В Заонежье в банях середняков одно из бревен могло быть сделано съемным, чтобы через это отверстие подавать в баню мережи и другие снасти с деревянными деталями больших размеров. Каждый раз после копчения снасти в дыму бани в воду опускали монетку любого достоинства. Она должна была служить выкупом для водяного, поскольку запах дыма, как считалось, очень раздражает водяного. Если этого не делать, то водяной обидится и никогда больше своих рыб не пошлет в «неоткупленную» монеткой снасть (НА. Ф. 1. Оп. 6. Д. 619. Л. 26. Сямозеро. 2000). С появлением у карельских рыбаков сетей из капроновых нитей, а потом и из лески необходимость в копчении в дыму сетных снастей отпала, однако в деревнях, бани которых расположены у самой воды, жители привычно чинят свои сети на скамье рядом с баней, там же перебирают и распутывают запутавшие сети.

Казалось бы, баня должна была быть наилучшим местом для стирки белья: ведь щелок варили чаще всего в бане, да и горячая вода под рукой была тоже в бане. Но пока сельское население придерживалось старинных традиций, этого не происходило. Вплоть до Великой Отечественной войны крестьянки, устраивая стирку, из бани таскали горячую воду ведрами в дом, а в лучшем случае стирали в деревянных корытах в предбаннике или на площадке около бани. В старину в мыльном отделении бани не стирали, поскольку боялись этим действием оскорбить духов-хозяев бани. Согласно народным поверьям, за нарушение данного запрета духи бани наказывали людей болезнями или наносили вред домашним животным.

В качестве места для ночлега баня у карел, русских и вепсов Карелии использовалась в прежние времена только в исключительных случаях. Например, когда запоздалый путник не хотел в чужой деревне стучаться в дома людей после захода солнца. В банях, даже спросившись у банных хозяев, ночью не спали, а проводили время в полудреме на лавке или полке, боясь быть задушенным «баенником». Вместе с тем не все было так драматично. У карел, к примеру, в прошлом было принято использовать баню в августовские вечера в качестве места для гуляний молодежи³.

По данным Н.Н. Харузина, из-за суеверного страха перед баннным хозяином мыться в баню поодиночке не ходят не только девушки Пудожья, но и «самые храбрые крестьяне с крестом в нее не входят»⁴. Автор данной работы в том же Пудожье записал, что даже днем, прежде чем войти за какой-либо вещью в баню, следовало завязать бантиком завязки на груди рубахи, чтобы показать банному хозяину, что человек входит баню не мыться, а по иному поводу (НА. Ф. 1. Оп. 6. Д. 612. Л. 37. Онега – Илекса. 1999). В Водлозерье и сейчас еще стар и млад, прежде чем войти в пустую нетопленную баню, стучатся в дверь костяшками пальцев из-за опасений лицом к лицу столкнуться с «нечистыми». Высказанные некоторыми исследователями предположения, что духи бани наиболее враждебны человеку из всех домашних духов потому, что баня расположена на дальней периферии от обжитого человеком пространства дома, на наш взгляд, малопродуктивны. Овины и риги еще дальше удалены от жилья, чем бани, но ночевать в них не возбранялось. Кроме того, древний обычай карел поселять роженицу с ребенком для прохождения очистительных послеродовых обрядов не куда-нибудь, а именно в баню, говорит о принципиально ином отношении карел к духам бани. Р. Ф. Никольская и Ю. Ю. Сурхаско по этому поводу писали, что «карелы относились к бане как к домашней святыне», а «культ хозяев бани» был «одной из форм культа предков»⁵. О справедливости последнего утверждения свидетельствует и карельский обычай непременно ополаскивать руки водой под умывальником по возвращении после мытья в бане⁶. Еще и в наше время руки водой принято споласкивать по возвращении с кладбища или любого иного общения с умершими повсеместно в Карелии. Как видим, карелы относились к духам-хозяевам бани хоть и с опаской, но воспринимали их как предков-покровителей. У русских же, видимо, из-за более мощного воздействия христианских постулатов, те же самые персонажи воспринимались к XIX в. как враждебные человеку духи низшей мифологии. В русских сказках баня и духи бани только в очень редких случаях выступают в роли спасителей положительного героя, тогда как в карельских враги очень часто гибнут именно в бане⁷.

Ритуальный характер носило посещение бани перед поездкой, первым выпуском животных на летние пастбища и отправлением на промысел.

Посещение бани перед первым выпуском животных на пастбище было обязательным для пастуха, а также для молодых хозяек, живущих половой жизнью. По народным поверьям, леший не прощает человеку ритуальную нечистоту, которой, как считалось, заражается человек во время полового акта. Верили, что за нарушение данных обычаев крестьянского «мифологического устава» леший наказывает хозяев утратой и гибелью их скота в лесу. Особо отметим, что для пастуха баня перед выпуском скота становилась его единственной баней на все время летнего выпаса. На этот же срок ему не позволялось вступать в половой контакт с женщинами. Считалось, что за нарушение «устава» пастухом должно пострадать все стадо деревни или его значительная часть.

Те, кто отправлялся в дальнюю дорогу или надолго уезжал из дому, как и те, кто возвращался домой из дальних краев, в старину также обязательно посещали баню. Уходя из дому, согласно некоторым теориям, человек приобретает новые ритуальные качества (качества путника). Достигается это через процедуру очищения баней, обряд благословения хлебом и другие обрядовые действия. В пути человек, по поверьям, как бы становится человеком, наделенным новыми свойствами. В частности, верили, что пожелания путника, как плохие, так и хорошие, сбываются⁸. Поэтому путникам старались не отказывать в ночлеге, кормили, наделяли хлебом. Обратный переход и приобретение былых качеств как бы совершался за счет посещения бани и ряда других действий (сходить на кладбище и поведать предкам о том, что было в пути и др.).

В баню в традиционном обществе всегда ходили охотники и рыбаки перед отправлением на промысел. Чтобы промысел был удачным, исполнялся специальный ритуал. Женатые мужчины в предбаннике проныривали под подолом своей супруги, которая вставала на табуретки или лавки. Этим, по поверьям, снимался сглаз с рыбака и охотника. Завершив этот акт, охотник или рыбак ждал, пока вымоется супруга, потом шел в баню один. После мытья в бане ему не полагалось прикасаться не только к супруге, но и к тем вещам, которые она трогала. Промысловик сам собирал себя в дорогу и выходил из дому так, чтобы не встретить женщину, будь то мать или жена.

Приготовление бани и посещение ее в старину воспринималось не только как санитарно-гигиеническая процедура, но и как обрядовое действие. Многочисленные следы былых представлений, связанных с обрядовой регламентацией посещения бани, можно встретить у современных

жителей и по сей день буквально по всей Карелии. В старину бани не посещали по религиозным праздникам и в воскресенье. Деревенские жители придерживаются этого порядка и в наши дни. В старину запрет ходить в баню в праздник поддерживался быличками о том, что виновников запрета духи бани наказывали, запаривая до смерти или сдирая с них кожу заживо⁹.

Приготовление бани, согласно традиции, начинается с того, что человек, перешагнув порог бани с охапкою дров, просил разрешения у духов бани истопить ее. Наиболее развернутую формулировку такой просьбы произносят в Пудожье. Звучит она так: «Хозяин и хозяйшка, с малыми детушками, с бабушками и дедушками, с внуками и правнучками, с приходящими гостыюшками, разрешите баньку истопить». Самая короткая формулировка (повсеместно в Карелии) состоит всего из нескольких слов: «Хозяева, разрешите баню протопить». У карел просьба помыться и в наши дни может звучать так: «Отец и мать, братья и сестры, здравствуйте. Разрешиться помыться и попариться». Довольно устойчива в Карелии такая формулировка: «Банька, позволь тебя истопить». Это говорит о том, что саму баню люди иногда воспринимают как нечто, обладающее своей особой душой.

В старину на всем протяжении банной процедуры полагалось вести себя тихо, не кричать друг на друга, не употреблять в речи бранных выражений. Считалось, что за брань духи-хозяева бани наказывают человека долго не заживающей травмой или какой-либо болезнью. Еще и ныне автору доводилось встречать в деревнях старух, которые в недомоганиях или ушибах винят себя за неучтивое поведение в бане. Чтобы излечить такие болезни, люди просят «прощения» около полуночи в пустой нетопленной бане или, находясь на улице, напротив восточного угла в баню (если бояться в нее войти). Самым обычным является такая просьба: «Банний хозяин-батюшка, банная матушка, простите меня, рабу божью (имярек), что я давеча выругалась в вашей бане, когда упала». Просьба там произносится трижды (вариант – ходят к бане просить «прощения» три вечера кряду). Никольская и Сурхаско в своей статье приводят более развернутую просьбу о прощении: «Хозяева бани, хозяйки бани, старшие и средние, младшие хозяева бани – все простите меня, рабу божью (имярек). Может чего не так подумала о вас, простите меня, ради Христа, от земли до неба»¹⁰.

Баня в гаданиях молодежи и молодежной обрядности

Наиболее распространенным способом узнавания суженого, связанным с посещением бани в Святки, у девушек всей Карелии было выстав-

ление голого зада в темноту бани в окно или в дверь: если погладит мохнатой рукой – к богатому жениху, а если холодной – к бедному и постылому. Парни при этом частенько пробирались в баню вперед девушек и подшучивали над ними.

В полночь в баню в Карелии ходили также слушать судьбу, усевшись на шкуру павшей скотины (Заонежье и Поморье). Шкуру трижды очерчивали саженой кочергой, произнося заклятье: «Встань черта от земли до неба, от неба до земли. Внутри черты ни черта, за чертой – тысяча чертей». Сидеть и слушать полагалось, крепко зажмурив глаза. Считалось, что нечистая сила открывает правду слуховыми образами. С этим гаданием связаны рассказы о том, что хвост случайно оказался вне черты. Черти якобы душили всех внутри круга или таскали за хвост на шкуре по округе до умопомрачения, а спасал людей лишь крик петуха. Менее опасным считалось гадание, когда парень или девушка гадали, сев или встав на порог. Шуршание предвещало богатую жизнь, крик птицы на крыше – близкое замужество, скрипы и потрескивания – разные болезни, стук, как от забивания гвоздей, сулил смерть¹¹. Гадание с зеркалами в бане включало в себя смотрение в два прямоугольных зеркала, поставленных под углом в 90 градусов друг к другу. Появление в зеркале хотя бы смутного пятна предвещало близкое замужество. К сказанному стоит добавить, что гадания «вещими звуками» и «зрительным образом» в некоторых местностях Карелии начинались за несколько дней до Рождества или еще раньше, со дня Спиридона Солнцеворота (25.12 по новому стилю), как в Заонежье.

В летние Святки (период с Иванова до Петрова дня) гадания в бане или у бани входили в состав более сложного обрядового действия по поднятию девичьей славы и привлекательности в Ивановскую ночь.

В некоторых местах Карелии было в ходу изготовление в летние Святки небольших гадательных веников при вязании обычных банных, которое производилось у бани. Гадательные веники делали намеренно маленькими и не очень прочными (чтобы потом легко можно было распустить на исходный материал для обычных веников), закрыв глаза и не ведя счета. Через какое-то время гадательные веники раскладывали парами. Если при пересчете веники кончались, а последний веник остался без пары, считалось, что девушка еще год будет ходить незамужней. Когда получалась пара, думали, что девушке в течение года предстоит выйти замуж.

В Заонежье было принято перебрасывать «ивановские» веники через крышу бани. Девушка вставала спиной к бане и бросала веник левой рукой наиспашку. Если веник перелетал через крышу бани, не

зацепившись, и падал на землю, гадание было верным. Если веник скатывался по крыше и падал на землю, считалось, что к замужеству будет какое-то препятствие, но оно, скорее всего, состоится. Когда он оставался лежать на крыше, это означало, что девушке придется еще походить незамужней¹².

Обрядовые действия в бане в ночь на Иванов день (07.07 по новому стилю) производились повсеместно. Главными ритуальными предметами в эту ночь становились «ивановские» веники.

Способы изготовления «ивановского» веника несколько варьируют от местности к местности.

В русском Заонежье считалось, что волшебную силу «ивановскому» березовому венику придает особый способ его изготовления. Каждый, кто задумает изготовить такой веник, должен пойти в лес, когда солнце начнет клониться к закату, и сломать с березы, что встретится о правую руку, «тридевять» веток. «Три на девять» – это будет 27 веток. Ветки старались брать особенные – с тремя либо с семью отростками. Если девушка начала веник из веток с тремя отростками, то и весь веник должен был быть собран с тремя отростками, а если с семью – таким и должен был быть завершен. Правда, лишние ветки обламывать не запрещалось. Заметим, что и в Заонежье в девичий «ивановский» веник из веток березы нередко вкладывалось цветущее растение, называвшееся «Ивановым цветом». Оно начинало цвести к Иванову дню соцветиями желтого цвета, имеющего форму миниатюрного оголовка старинной боевой булавы, густо усеянной треугольными шипами. «Иванов цвет» непременно входил также в состав цветов, которые молодежь собирала в полях накануне Иванова дня, чтобы сплести венок на голову.

У пудожанок и поморок в ритуальном наборе полевых цветов для венков и «купальского веника» вместо поповника использовались цветы, прозываемые в народе «царские кудри». Соцветия этой травы имели желтый цвет, а сам цветок напоминал цветы «куриной слепоты» или миниатюрные «балаболки». В Заонежье и ближайшей округе трава «царские кудри» относилась к атрибутам мужской магии. Ее парни носили в кармане, чтобы нравиться девушкам.

«Ивановские» веники, аналогичные выше описанным, готовили себе для похода в баню в канун Иванова дня также молодухи. В баню они отправлялись без венков на голове. Венок на голову им надевать было уже не положено по их новому семейному статусу, поскольку макушку головы замужней женщины полагалось прикрывать чепцом или иным женским головным убором. «Ивановские» венки людей среднего и старшего возраста в качестве основных элементов содержали, помимо березовых

веток, еще и «богородицкую траву», т. е. цветущие ветки вереска¹³. Считалось, что целебная сила трав и березовых веток во время банной процедуры непременно передается людям и существенно повышает их жизненный тонус, излечивает многие болезни. Сила же цветущих трав считалась наибольшей именно в Иванов день, поэтому в этот день сходить в баню старались и стар и млад. В наше время этой традиции мало кто придерживается, только редкие селяне начинают топить баню на Иванов день, если этот день не выпадает на субботу. В «ивановских» вениках нынешних старух автор видел только клевер и еще какие-то отдельные цветики, попадающие туда в единичных экземплярах, видимо, случайно.

Выйдя из бани, девушки обычно производили обряд повышения своей «славутности» (называемой у карел «лемби»). Он состоял в том, что девушки подкидывали в воздух у входа в баню свои венки или веники. Подкидывали, как можно выше, чтобы их слава и привлекательность были тоже выше¹⁴. Веник старались забросить ближе к коньку крыши. Верили, чем выше будет лежать веник, тем больше будут слава и привлекательность девушки. У вепсов Прионежья девушки подмечали, в какую сторону ляжет комель веника. Считалось, куда он укажет, в той стороне и суженый живет. Этот способ гадания исполнялся и в некоторых районах с русским населением. Если веники специально забрасывались на крышу бани, купаться и гадать к реке или озеру шли с одним венком на голове.

Парни зачастую дождавшись, пока девушки побегут купаться, входили в баню, прятали одежду девушек, а могли даже и забросить одежду на крышу бани. Девушки же, искупавшись, выходили на берег и бросали веник в озеро со словами: «Куда веник поплывет, там мой суженый живет». В проточную воду не бросали, поскольку предмет в такой воде всегда плывет в одну сторону. Если же веник у девушки тонул, ожидалось, что умрет в скором времени и она, не дождавшись замужества.

Для «ивановского» веника на Водле брали Иванов цвет, васильки и поповник, закладывали в маленькие березовые веники, парились ими в бане. В реку не окунались, но следовало поваляться по росе в траве, чтобы было здоровье. Девушки после этого шли на берег реки и бросали веник левой рукой через голову в воду. Смотрели, в какую сторону листьями будет указывать веник, плывущий по быстрой воде, туда и замуж выходить. Однако когда веник указывал комлем в направлении кладбища, ожидалось, что гадающий умрет.

На этом обрядовая часть ритуала заканчивалась, но могла остаться еще смеховая часть (поиски девушками своих одежд). В старину обрядность, связанная с походом в баню в этот день, была нормативно

обязательной. Даже в тех случаях, когда по каким-то причинам поход в баню у девушек не удавался, они все равно делали веник в ночь на Иванов день и шли с ним погадать на берег озера.

У карел иногда веник не забрасывался на крышу и не брался с собой, чтобы погадать у реки или озера. Этот веник вместе с мылом, полотенцем, серебряной монетой, солью, а также с коровьим маслом, горсткой муки и девичьей лентой прятался в берестянке в лесу до исхода Петрова дня. Этим вещам надо было напитаться ночной росой. Росе, выпадавшей в период с Иванова по Петров день, приписывалась волшебная сила повышать девичью привлекательность. Затем эти вещи хранились в сундуке для приданого. Перед беседой или гуляньем девушка парилась этим веником, умывалась водой, в которую клала эту монетку, одну крупинку соли и одну крупинку муки, утиралась этим полотенцем. Волосы она перед беседой смазывала тем самым коровьим маслом, вплетала в косу ту самую ленту, чтобы наверняка нравиться парням¹⁵.

Повышение девичьей «славетности» (славетную девушку приезжало сватать много женихов),¹⁶ или, как говорили карелы, «поднятие лемби» в бане в старину, достигалось намного вернее, если за это брались не сами девушки, а магические специалисты – колдуны и знахари. Колдуны и знахари у карел, согласно Никольской и Сурхаско, для такой бани заготавливали специальные дрова (от разбитых молнией деревьев), специальную воду (родниковую, набранную с быстрого течения реки у порога или с крыши дома во время грозы), а также готовили «веник лемби» из березовых, ольховых и рябиновых веток. Колдун топил баню для повышения «лемби» в канун большого религиозного праздника, а напарив девушку как следует, приказывал ей пройти сквозь рябиновый обруч¹⁷. Все эти действия, естественно, сопровождалось заговорами. Слава о силе карельских колдунов по части поднятия «славетности» в Карелии была велика. Для того чтобы приготовить обрядовую баню, следовало обладать особыми знаниями. Помимо собирания дождевой воды во время грозы и набирания ее из порога применялись и другие способы набора воды для бани по повышению «славетности». Воду в баню колдун носил тайно на заре, чтобы его никто не видел. Вода набиралась в каждое ведро равными порциями из трех рек, трех ручьев, трех озер, трех колодцев или из трех лесных источников (главное, чтоб друг от друга их не было видно). Годилась для этой цели и вода, набранная у слияния двух ручьев в одну реку. Баню колдун топил ольховыми дровами, а в отдельную емкость мог собрать полотенцем росу с цветущего луга, если действие проходило в период с Иванова по Петров день. Для этого он трижды протаскивал полотенце по лугу и отжимал влагу с полотенца в сосуд. Девушку в баню к кол-

дуну приводила старшая родственница, желательна так, чтобы никто не увиделся с ними и не заговорил пустые речи. В баню с колдуном девушка заходила вдвоем, совершенно нагая, а родственница оставалась сидеть в предбаннике, чтобы не смогла подслушать заговоры колдуна, которые, по народным поверьям, теряли после этого свою силу. Колдун трижды, под чтение заговоров, парил и обливал водой (из трех источников) девушку, а под конец приказывал ей обтереться не сухим полотенцем, а тем, которым он собирал росу с цветущего поля. Часть этой воды в небольшой бутылочке он давал девушке с наставлениями о том, как ею пользоваться, чтобы нравиться мужчинам. По воспоминаниям стариков, колдовство действовало неотразимо – девушка начинала нравиться парням, в дом – заглядывать сваты¹⁸.

Банная присушка и отсушка

Баня считалась одним из самых лучших мест для «присушивания» противоположного пола с помощью магии и заговоров. Некоторые из магических способов требовали присутствия присушиваемого лица в бане (они считались более надежными), для других же способов этого не требовалось.

Самым надежным считался тот способ, при котором объект магического воздействия шел в баню, парился там, поливая, сам того не зная, заговоренную воду на каменку и утолял жажду заговоренным квасом. Считалось, что информация, содержащаяся в заговоре, вместе с парами и влагой проникала в тело объекта воздействия и, тем самым, неотвратно вызвала нужные последствия. Конечно же, вода для плескания на каменку и квас заговаривались заранее, в отсутствие объекта воздействия. Текстов таких заговоров существует множество. Приведем только пару примеров:

«Задаю тебе любовь в губы, в зубы, в сердце, в печень, в кровь. Как сам себя (имярек) любишь, так и меня (имярек) люби. Тыфу-аминь (трижды)» или «Как радуются весеннему свету и ржаному цветку, так радовался раб божий (имярек) рабе божией (имярек), не мог ни жить, ни быть, ни есть, ни пить, ни дни днeвать, ни ночи спать по рабе божьей (имярек). Аминь».

По тем же магическим принципам осуществлялась и отсушка, например, когда муж начинал изменять с другой женщиной. Человек, не обладающий магическими знаниями, мог получить заговоренную воду у колдуна или знахаря, принести ее домой, чтобы добавить в воду и питье. Для этого производился специальный обряд, который исполнялся в полночь в бане колдуна или знахарки. Знахарка снимает с «пациента» всю одежду,

затем заговаривает воду: «Ты отцом не прощен, матерью не благословлен. Выйду я подвальным бревном из дому, пойду в чистое поле. В чистом поле стоит столб, на нем черт с чертицей, дьявол с дьяволицей, дерутся, щипаются, в кровь придераются, на пути не встречаются, на разговоры не ладятся, так же Алексей с Марьей навстречу не встречались, в кровь придерались». («Аминь» не говорят.) Человека ставят в тазик, обливают заговоренной водой, которую из тазика переливают потом в бутылку. Воду доставляют в свою баню и свой дом с особыми магическими предосторожностями. По пути ни с кем не заговаривают, даже не кивают головой в знак приветствия, вообще избегают какой-либо встречи. Каждый раз, пересекая водную преграду (переходя ручей или переезжая залив), твердят про себя: «Что с собой несу, через воду перенесу», перешагивая через порог, говорят: «Что с собой несу, через порог перенесу». Заходя в баню или дом, говорят: «Что с собой нес, домой принес». Для верности скатываются три шарика из шерсти кошки и собаки, которые надо скормить в хлебе или в другой пище мужу, а по возможности – и той женщине, к которой ушел муж.

Баня в народной медицине

В народной медицине баня использовалась, прежде всего, как место, где заговаривалось и лечилось большинство болезней, том числе детских.

И мать, и младенец, согласно народным представлениям, в течение шести недель считались носителями особой послеродовой нечистоты. Роженице, например, не разрешалось прикасаться к квашне, есть мясо, заходить в церковь и т.д. Наиболее действенным способом снятия послеродовой нечистоты матери и младенца, по народным поверьям, было трехкратное мытье в бане. В старину роженицу в первую родовую баню принято было отправлять в сопровождении свекрови или повитухи, исполняющих роль магической охраны. Дорогу от дому до бани мать проделывала, опираясь на сковородник, что, по народным поверьям, не позволяло увязаться за нею в баню нечистой силе.

В бане останавливалось послеродовое кровотечение. Делалось это при помощи заговоров. Потом роженица парилась веником, ложилась на полок, а свекровь или повитуха массировала ей живот. Называлось это «ставить на место «золотник», т. е. матку.

В первой бане для младенца обязательно заговаривались послеродовые болезни младенца. Считалось, что у любого младенца их бывает не менее трех: «золотушка», грыжа и «родимец».

Чтобы заговорить родимец, говорят, повитуха брала нож, прикладывала плоской стороной к верхнему кончику левого уха, затем как бы прокатывала по голове до правого уха, переворачивая нож острием всегда в правую сторону, и приговаривала: «Мать дитя носила, мать дитя родила. Я, раба божья (имярек), родимец заговорила. Баней (байной) заговариваю тимец-родимец с ясных очей, с черных бровей, с белого лица, с ретивого сердца». Затем она набирала теплой воды в ложку, наговаривала те же слова на эту воду и вливала в рот младенцу. Трижды повитуха производила эти действия, после чего брала ножи и с размаху втыкала его в правый косяк при входе в мыльное отделение бани. Нож оставлялся там на сутки.

При родимчике ребенок становился тощим, синюшным, иногда покрывался пятнами. Каждую ночь он чего-то пугался, у него могли начаться судороги. Кричал или лежал с открытыми глазами. Обычно так продолжалось до года. Чтобы ребенок спал, его на ночь мыли в бане, а, укладывая спать, клали на красную материю и закрывали лицо куском красного же материала (НА. Ф. 1. Оп. 6. Д. 612. Л. 3. Онега – Илекса. 1999). Радикальным средством от этой болезни считалось заговаривание до 3–5 раз у хорошей специалистки.

Еще одной детской болезнью на средней Илексе считался «испуг». С ним также боролись заговорами. «Испуг» мог случиться и в детском возрасте (не младенческом). Ребенок мог потерять дар речи, начать мочиться в постель. В таких случаях тоже отчитывали заговорами после посещения бани. Делали это 9 раз подряд. Колдуну платили за питье из трав, которое давали ребенку выпить перед сном (Там же. Л. 14)

Грыжу младенца могли лечить также и при помощи заговоренного знахаркой молока матери. Болезнь, называемую в народе «щетинкой», возникающую в результате вкрапления в кожу волосков первичного волосяного покрова в районе спины или груди младенца, лечили в бане. Эти волоски при укладывании в зыбку под тяжестью тела вызывали зуд, не давали возможности ребенку уснуть. Задача состояла в том, чтобы извлечь такие волоски из кожи ребенка. Дитя в бане парили веником, чтобы хорошо распарить кожу. После этого прокатывали по пораженным участкам кожи колбком из сырого теста, который замешивали на грудном молоке матери. Волоски приклеивались к тесту и выходили из кожи младенца. При прокатывании теста приговаривали: «Благослови, Господи, чтобы у нашего младеня никакой щетинки не было». Никаких иных заговоров при этом действе произносить не требовалось. Действо это могли повторить, если с первого раза не все щетинки переходили на тесто, либо на теле дитя еще обнаруживались участки со щетинкой, не обработанные

указанным способом. Магический элемент приносился в описанное действие использованием грудного молока матери. Магическую окраску носило также излечение послеродовой «щетинки» при помощи совершенно нового (ни разу не одевавшегося женщиной) шелкового платка и конопляного либо растительного масла. Процедура была той же самой: распаренного венником младенца натирали маслом, пеленали в платок, в результате чего щетинки переходили на платок.

Еще одним детским заболеванием, для исцеления которого задействовались баня, был диатез, называемый в народе «золотушкой». Один из способов заключался в том, что собирались тонкие ветки калины в период ее цветения и запаривались горячей водой в бане на полчаса и более. Этой водой намывали дитя и давали ему три раза глотнуть настоя калины. Затем дитя насухо вытирали и укладывали спать на закате дня. Кроме калины также использовался и настой травы череды, заготовленной в период цветения. Настой череды пить ребенку не давали, поскольку в больших дозах он мог вызвать отравление. Целительное действие в этих способах оказывали не только сами травы, но и тепло бани. По крайней мере, и при многих иных народных способах лечения «золотушки» обязательным элементом было навевание в уши младенцев жара из печи или пара, поднимающегося из устья печи при разламывании только что испеченного хлеба, пирога или калитки.

Обменёньши

В бане все же следует вести себя осмотрительно, в особенности с детьми. Пудожские былички рассказывают об этом так: «Могут детей обменить в бане. Раз у одной женщины ребенок родился очень хороший, девочка. А потом вроде бы якобы в баню мать пришла и оставила эту девочку на полку, положила на полк, а сама побежала домой за мылом. Пришла. Девочку помыла. А девочка начала плакать. И плакала, и плакала все время, менялась ее внешность, личико и все. Девочка такая некрасивая стала. Потом она не стала ходить, ручки у нее такие тоненькие сделались, ножки. Ножки не носили. Ручками она ничего не могла брать, А потом проезжали цыгане, и вот одна цыганка и сказала, что, мол, эта девочка *обменёньши*. И если эту девочку взять за ножки и ударить головкой об угол бани, значит, будет головешка, потому что банная хозяйка обменяла девочку, подкинула головешку, а эту девочку забрала себе. Так эта девочка очень долго жила, как калека, инвалид, жила. А как мать, разве мать возьмет головкой стукнет ребенка в угол? Ее обменяли, дак она еще маленьким ребенком была, может быть, до года».

Популярны были в Пудожье также былички о том, как дети подменялись банными хозяевами в отсутствие матери нечистым отродьем или же обращались нечистой силой в поленья. Такие поленья якобы начинали кричать человеческими голосами, проклинать своих родителей, когда те, не догадавшись об истинности случившегося, бросали эти поленья в топку. Былички утверждают, что если такое полено перекрестить, оно обязательно вновь обращается в утерянного ребенка.

На Водле если в бане надо оставить малое дитя до трех лет во время мытья (чтобы выйти из бани за водой или забытой вещью), то на это время надо воткнуть топор в порог бани. Когда младенца первый раз приносили в баню, то «спрашивали» у баенных хозяев: «Банщик, банщица, малые детушки, внушки, правнучки, примите раба божьего (имя, вариант – наше дитятко) отныне и во веки веков. Дайте ему тепла и здоровья».

Баня использовалась для снятия порчи и сглаза. Под сглазом понималось внезапное ухудшение самочувствия, выражавшееся в легком физическом недомогании, сопровождающемся легким ознобом и общим падением жизненного тонуса. Считалось, что сглаз возникал от нескольких причин. Первая причина – человеку кто-нибудь позавидовал (например, его здоровью, красивой одежде и т.д.). Вторая причина – самоговор (когда человек похвалился своим здоровьем или еще чем-то). Третья причина – кто-то человека перехвалил, может быть, и без злого умысла. Наиболее мистической выглядит последняя причина: кто-то плохо высказался или перехвалил человека с тем же именем, что и у человека, почувствовавшего недомогание. В народе об этой причине говорили иносказательно – «с ветру пришло». Снятие сглаза обычно осуществлялось в доме посредством обливания водой, трижды пролитой сквозь дверную ручку (обливались водой над подпольем или на месте стола в избе). Если это не помогало, то для снятия сглаза специально топили баню. Ни до больного, ни после его мытья в эту баню никто не должен заходить мыться и париться. Воду на снятие сглаза трижды заговаривали в шайке, из которой потом больной обливался. Слова могли быть, например, такими: «Я, раб(а) божий(ья) (имярек), отцом прощен(а), матерью благословлен(а). Пойду из сеней в двери, из ворот в ворота. Выйду в чистое поле. В чистом поле стоит пень смоливчатый. Кто может найти пень смоливчатый, кто может снять тридевять нож смольем, выгнать тридевять ведер смольем, выпить тридевять ведер смолы, выпить с синего моря всю воду, вызобать около синего моря весь песок, тот и сглазит меня, раба божьего (рабу божью) (имя рек). Которо слово забыл(а), то ключом заключил(а), ключ – замок, замок – камень. Отныне до веки, век по веки. Все притчи,

призоры, все ветряны(е) переговоры от девки пришли, к девке подите, от бабы пришли, к бабы подите, от мужика пришли, к мужику подите». Чтобы действие слов заговора не уменьшилось, после обливания водой полотенцем насухо себя не растирали. Только промокали им себя, прижимая то к одной, то к другой части тела.

Порча считалась в народе более тяжелым недугом, чем сглаз. Верили, что порчу напускают на человека преднамеренно. Хотя признавался в народе возможным и другой вариант: порчу напускали на одного человека, а подвергся ей другой человек с тем же именем или тот, кто нечаянно прикоснулся к предметам, на которые была наведена порча. Считалось, что чаще всего подвергаются порче участники свадьбы, а особенно жених и невеста, у которых потом в постели ничего не получается. Баню для снятия порчи готовил колдун или сильный знахарь (знахарка) по просьбе человека, который считал себя испорченным. Воду для такой бани колдун или знахарь набирал до восхода солнца так, чтобы его за этим занятием никто не видел. Воду он брал не из колодца или из озера, а приносил из реки или ручья с быстрым течением. Ведро наполнялось в три приема равными порциями. Причем зачерпывать воду надо было по течению, а не против течения. Когда воду набирали, приговаривали, например, такие слова: «Река-речка, течешь ты быстро, смываешь пеня, коренья, лесные деревья, смой с раба божьего (имярек) всю порчу». В баню вода доставлялась тайно, при полном молчании. Чтобы усилить действие воды, в нее добавляли столовую соль. Соль сама по себе считалась сильным средством против любого колдовства. Сравни, например, народный обычай шептать: «Соль тебе в глаза», когда видишь, что против тебя замышляется колдовство. Вместе с тем для снятия порчи солью еще и заговаривали.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данный очерк написан на основе экспедиционных материалов автора конца 1980 – начала 2000-х гг. – *Ред.*

² НА – научный архив Карельского научного центра РАН. Записи К. К. Логинова.

³ *Криничная Н. А.* Мифологические рассказы и поверья о бане и баеннике в контексте фольклорной традиции: персонаж в пространственно-временном измерении // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 7.

⁴ *Харузин Н. Н.* Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии // Олонецкий сборник. Вып. 3. Петрозаводск, 1894. С. 328.

⁵ *Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю.* Баня в семейном быту карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 83.

⁶ *Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю.* Баня в семейном быту карел... С. 72.

⁷ *Разумова И. А.* Баня в народных верованиях и сказке // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 93, 95, 97.

⁸ *Логинов К. К.* Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993. С. 42.

⁹ Самую устрашающую быличку на эту тему автор записал в д. Пильмасозеро Пудожского края. В ней повествуется о том, как местный старик, не верящий в существование банных духов, пошел мыться в баню в ночь на Пасху. В наказание за это с деда якобы заживо банные хозяева сняли кожу и повесили ее на стену. Тело же утащили под пол.

¹⁰ *Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю.* Баня в семейном быту карел... С. 83–84.

¹¹ *Логинов К. К.* Девичья обрядность русских Заонежья // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 74–75.

¹² *Логинов К. К.* Девичья обрядность русских Заонежья... С. 73–74.

¹³ В Заонежье наибольшей целебной силой наделялась «Богородицкая трава», сорванная в Иванов день на о. Радколье, на котором в последнее перед Ивановым днем воскресенье вплоть до 1928 г. устраивался специальный праздник в честь большого каменного идола.

¹⁴ *Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю.* Баня в семейном быту карел... С. 77; *Степанова А. С.* Карельские свадебные причитания и ритуальная свадебная баня // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 123.

¹⁵ *Лесков Н. Ф.* Поездка в Корелу // Живая старина. 1892. Вып. 3–4. С. 291.

¹⁶ Славутность девушки не была однозначным понятием и включала в себя такие составляющие, как красота и здоровье, сексуальная привлекательность («сексапильность»), также и слава девушки как рукодельницы, хорошей работницы и честной дочери честных (наиболее частый вариант – богатых) родителей.

¹⁷ *Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю.* Баня в семейном быту карел... С. 74–76.

¹⁸ *Логинов К. К.* Девичья обрядность русских Заонежья... С. 66.

П. Лааксонен

ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В КАРЕЛИЮ, или ДНЕВНИК МОЛОДОГО ФОЛЬКЛОРИСТА¹

Осенью 1972 г. я отправил в Финляндскую академию письмо-заявление, в котором просил обратить внимание на «выдачу стипендий, основанных на договоре о сотрудничестве и обмене специалистами в 1973–1975 гг., заключенном между Академией наук СССР и Финляндской Академией». Я надеялся познакомиться с научными учреждениями Ленинграда и Петрозаводска и, прежде всего, получить возможность принять участие в экспедиции по сбору фольклорного и этнографического материала, организуемой петрозаводчанами. В конце мая 1973 г. я получил